

И. А. БУНИН
(1870 – 1953)

ЭПИТАФИЯ²²

За крайней избой нашей степной деревушки пропадала во ржи наша прежняя дорога к городу. И у дороги, в хлебах, при начале уходившего к горизонту моря колосьев, стояла белоствольная и развесистая плакучая берёза. Глубокие колеи дороги зарастали травой с жёлтыми и белыми цветами, берёза была искривлена степным ветром, а под её лёгкой сквозной сенью уже давным-давно возвышался ветхий, серый голубец, – крест с треугольной тесовой кровелькой, под которой хранилась от непогод Суздальская икона Божией Матери.

Шелковисто-зелёное, белоствольное дерево в золотых хлебах! Когда-то тот, кто первый пришёл на это место, поставил на своей десятине²³ крест с кровелькой, призвал попа и освятил «Покров Пресвятыя Богородицы». И с тех пор старая икона дни и ночи охраняла старую степную дорогу, незримо простирая своё благословение на трудовое крестьянское счастье. В детстве мы чувствовали страх к серому кресту, никогда не решались заглянуть под его кровельку, – одни ласточки смели залетать туда и даже

²² *Эпитафия* – надгробная надпись.

²³ *Десятина* – участок земли, равный десятине.

вить там гнёзда. Но и благоговение чувствовали мы к нему, потому что слышали, как наши матери шептали в тёмные осенние ночи:

– Пресвятая Богородица, защити нас покровом Твоим!

Осень приходила к нам светлая и тихая, так мирно и спокойно, что, казалось, конца не будет ясным дням. Она делала дали нежно-голубыми и глубокими, небо чистым и кротким. Тогда можно было различить самый отдалённый курган в степи, на открытой и просторной равнине жёлтого жнивья. Осень убирала и берёзу в золотой убор. А берёза радовалась и не замечала, как недолговечен этот убор, как листок за листком осыпается он, пока наконец не оставалась вся раздетая на его золотистом ковре. Очарованная осенью, она была счастлива и покорна и вся сияла, озарённая из-под низу отсветом сухих листьев. А радужные паутинки тихо летали возле неё в блеске солнца, тихо садились на сухое, колкое жнивье... И народ называл их красиво и нежно – «пряжей Богородицы».

Зато жутки были дни и ночи, когда осень сбрасывала с себя кроткую личину. Беспощадно трепал тогда ветер обнажённые ветви берёзы! Избы стояли нахохлившись, как куры в непогоду, туман в сумерки низко бежал по голым равнинам, волчьи глаза светились ночью на задворках. Нечистая сила часто скидывается ими, и было бы страшно в такие ночи, если бы за околицей деревни не было старого голубца. А с начала ноября и до апреля бури неустанно заносили снегами и поля, и деревню, и берёзу по самый голубец. Бывало, выглянешь из сеней в поле, а жёсткая вьюга свистит под голубцом, дымится по острым сугробам и со стоном проносится по равнине, заматавая на бегу следы по ухабистой дороге. Заблудившийся путник с надеждой крестился в такую пору, завидев в дыму метели торчащий из сугробов крест, зная, что здесь бодрствует над дикой снежной пустыней сама Царица Небесная, что охраняет Она свою деревню, своё мёртвое до поры, до времени поле.

Поле долго было мёртвым, но степные люди были прежде выносливы. И вот наконец крест начинал вырастать из оседающих серых снегов. Обтаивала и горбатая унавожённая

дорога, наступали тёплые и густые мартовские туманы. От туманов и дождей чернели и дымились в сумрачные дни крыши изб... Потом туманы сразу сменялись солнечными днями. И всё снежное поле насыщалось водой, растоплялось и, растопленное, блистало под солнцем, дрожа бесчисленными ручьями. В один-два дня степь принимала новый вид: по-весеннему темнели равнины, окаймлённые бледно-синеватой далью. Выпускали шершавый скот из хлевов; обессиленные за зиму лошади и коровы бродили и лежали на выгоне, а галки садились на их худые спины и дергали клювом шерсть для своих гнёзд. Но дружная весна к хорошим кормам, – скот отгуляется по тёплым росам! Уже пели жаворонки в ясные полдни, уже мальчишки-пастухи загорали от ветров и солнца, которые просушивали землю. Когда же обмывал её весенний дождь и пробуждал первый гром, Господь благословлял в тихие звёздные ночи расти хлебам и травам, и, успокоенная за свои нивы, кротко глядела из голубца старая икона. Тонко пахло в чистом ночном воздухе зелеными, мирно было в степи, тихо в тёмной деревне, где уже не вздували огня с Благовещенья, и замирали по вечерней паре песни девушек, прощавшихся со своими обручёнными подругами.

А потом всё менялось не по дням, а по часам. Зеленел выгон, зеленели вётлы перед избами, зеленела берёза. Шли дожди, протекали жаркие июньские дни, зацветали цветы, наступали весёлые сенокосы... Помню, как мягко и беззаботно шумел летний ветер в шелковистой листве берёзы, путая эту листву и склоняя до самых колосьев тонкие, гибкие ветви; помню солнечное утро на Троицу, когда даже бородатые мужики, как истые потомки русичей, улыбались из-под огромных берёзовых венков; помню грубые, но могучие песни на Духов день, когда мы с закатом уходили в ближний дубовый лесок и там варили кашу, расставляли её в черепках по холмикам и «молили кукушку» быть милостивой вещуньей; помню «игры солнца» под Петров день, помню величальные песни и шумные свадьбы, помню трогательные молебны перед кроткой Заступницей всех скорбящих, – в поле, под открытым небом...

Жизнь не стоит на месте, – старое уходит, и мы провожаем его часто с великой грустью. Да, но не тем ли и хороша жизнь, что она пребывает в неустанном обновлении? Детство миновало. Потянуло нас заглянуть дальше того, что мы видели за околицей деревни, тем сильнее потянуло, что и деревня становилась всё скучней, и берёза уже не так густо зеленела весной, и крест у дороги ветшал, и люди истощили поле, которое охранял он. И так как беда не ходит одна, то само небо, казалось, стало гневаться на людей. Знойные и сухие ветры разгоняли тучи, подымая вихри по дороге, солнце нещадно палило хлеба и травы. Подсыхали до срока тощие ржи и овсы. Было больно смотреть на них, потому что нет ничего печальнее и смиреннее тощей ржи. Как беспомощно склоняется она от горячего ветра лёгкими пустыми колосьями, как сиротливо шелестит! Сухая пашня сквозит между её стеблями, видны среди них сухие васильки... И дикая серебристая лебеда, предвестница запустения и голода, заступает место тучных хлебов у старой просёлочной дороги. Нищие и слепые всё чаще стали с жалобными припевами обходить деревню. А деревня безмолвно стояла на припёке – равнодушная, печальная.

Тогда, точно в горести, потемнел от пыльных ветров кроткий лик Богоматери. Проходили годы, – она казалась безучастной к судьбе своего поля. И люди мало-помалу стали уходить по дороге к городу, уходить в далекую Сибирь. Они продавали свой скудный скарб, забивали досками окна изб, запрягали лошадей и навсегда уходили из деревни на поиски нового счастья. И деревня опустела.

– Ни души! – сказал ветер, облетев всю деревню и закрутив в бесцельном удалстве пыль на дороге.

Но берёза не ответила ему, как отвечала прежде. Она слабо зашевелила ветвями и опять задремала. Она уже знала, что выгон в деревне зарос высокой сорной травой, что глухая крапива поднялась у порогов, что полынь серебрится на полураскрытых крышах. Степь вокруг была мертва, а десяток уцелевших изб можно было издали принять за кибитки кочевников, покинутые в поле после битвы или чумы. И голубец уже покосился под берёзой, на верхушке которой торчали сухие белые сучья. Теперь, в сумерки, когда

за тёмными полями слабо алел закат, ночевали на ней только грачи да вороны, которые немало видели перемен на этом свете...

Вот новые люди стали появляться на степи. Всё чаще приходят они по дороге из города и располагаются станом у деревни. Ночью они жгут костры, разгоняя темноту, и тени далеко убегают от них по дорогам. С рассветом они выходят в поле и длинными буравами сверлят землю. Вся окрестность чернеет кучами, точно могильными холмами. Люди без сожаления топчут редкую рожь, ещё вырастающую кое-где без сева, без сожаления закидывают её землёю, потому что ищут они источников нового счастья, – ищут их уже в недрах земли, где таятся талисманы будущего...

Руда! Может быть, скоро задымят здесь трубы заводов, лягут крепкие железные пути на месте старой дороги и поднимется город на месте дикой деревушки. И то, что освящало здесь старую жизнь – серый, упавший на землю крест будет забыт всеми... Чем-то освятят новые люди свою новую жизнь? Чьё благословение призовут они на свой бодрый и шумный труд?